

сти, смерти и бессмертия. В письме к Э.Ф. Голлербаху 8 августа 1918 Р. вспоминал, как «пришел около 1897-го года в СПб. Публичную Библиотеку и открыл 12 колоссальных фолиантов “Denkmäler Lepsius’a” <Лепсиуса>: то — томе в 5, 6 “и т.д.” я вдруг увидел все, все, о чем мечтал, думал, томился. И “на египетское солнце” я взглянул “как на родное себе”. Все, все, все — весь Египет — я открыл внутри себя <...> Когда в 1895 или 96 я кинулся в Публичную библиотеку “посмотреть египтян”, мне было важно уже только одно: какова цивилизация? Какова она в тоне, в смысле, в благородстве <...> “Христианство” перед “языческим Египтом” — это просто по монументальности и величию один плевок. “Растереть не стоит”. И — везде неприличие, “показать нельзя”. Везде — фаллы, стоящие, огромные. “С неприличия-то и начинается религия” (я). “Пока прилично — еще ничего нет”. Нет храма, молитвы. “Все религии по существу дела суть Венеричны”» (ВНС, 355–357). В ноябре 1897 Р. писал П.П. Перцову, находившемуся в Италии: «Хочу начать ответ Вам просьбою: где-нибудь у старьевщиков во Флоренции, верно, найдется что-нибудь из древнеегипетского. — Идеал мой — конечно, статуэтка Изиды, как нужно — с головой коровы и маленьким Горусом на руках; но может быть, найдется статуэтка с кошачьей головой, с головкой Ибиса, или — плитка песчаника — с триадою Озириса, Изиды, Горуса. Вообще — что-нибудь. Чрезвычайно занял меня этот девственно-чистый и еще не запачканный позднейшим историческим мусором мир <...> У Бругша, в Истории Египта, вот я читаю об удивительно расписанных стенах в подземных и надземных залах отлично сохранившихся в Египте храмов. Вот куда полетел бы я, и, право, с большею охотой, чем в Италию. Сладкая колыбель человечества — и всякому усталому и молодому человеку удивительно как радостно взглянуть на эту колыбель» (СОЧ, 495). Свои египетские увлечения Р. объяснил в одном из писем Перцову: «Более всего в египетско-финикийско-сиро мировоззрении меня интересует идея бессмертия, загробного существования, материнства, рождения, отчества и вообще sexual’ных отношений. Как они думали об этом — можно догадаться по тому, как они это изображали. Самих фараонов и вообще людей и политики мне вовсе не нужно; равно всяких “писцов” и “воинов”, вообще публицистики египетской не нужно» (СОЧ, 498). В Публичной библиотеке и в египетском отделе Эрмитажа Р. сделал множество перерисовок по Е.Д. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 95–105). Древнеегипетская тема получила отражение в статьях Р.: «О древнеегипетских обелисках» (ТПГ. 1899. 21 марта; ВДЯ), «О древнеегипетской красоте» (МИ. 1899. № 10–12; ВДЯ), «Египет» (ЗР. 1906. № 5; ВДЯ), «Черты родства между эллинами, Египтом и юдаизмом» (1899, неопubl. — РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 36). Значительное количество посвященных Е. страниц (с рисунками) содержится в книге Р. «Семейный вопрос в России», а также в других его книгах. В 1916 Р. задумал издание труда о Е.Д. — «Возрождающийся Египет», который при жизни автора начал выходить отдельными выпусками под заглавием «Из восточных мотивов» (вышло 3 выпуска). Р. рецензировал книги, связанные с историей Е.Д.: Рагозина З.А. Древнейшая история Востока (НВип. 1902. 2 окт.; ВДЯ), Сперанский Д.А. Из литературы древнего Египта (НВип.

1906. 29 марта; ОНД). Кабинет Р. украшала древнеегипетская статуэтка Изиды. З. Гиппиус вспоминала, что Р. как-то выпросил у нее привезенного из Е. *скарабея*: «Подарите мне! Мне очень нужно. Вам на что? А я книгу об Египте напишу <...> В Египте то было, чего уже не будет: христианство задушило» (Гиппиус З. Живые лица. М.; 2002. С. 135). Узнав, что Э.Л. Радлов едет в 1898 «в Египет посмотреть пирамиды», Р. просит его приобрести «что-нибудь» для него (СОЧ, 499). Серию своих очерков о путешествии по Волге в 1907 Р. назвал «Русский Нил» (ОНД). Некоторые свои статьи в «Новом Времени» в 1900-х Р. подписывал псевдонимом Ibis и Ибис (священная птица Е.Д.).

В.Н. Дядичев

**ЕГИПЕТСКАЯ ЖИВОПИСЬ.** Р. увлекался «девственно-чистым» миром *Египта* (СОЧ, 495; ВЕ, 129). Е.ж. оказалась духовно родственной Р.: «Я знал, что реставрирую Египет; все в атласах его (ученые экспедиции) было понятно; я плакал в Публичной Библиотеке, говоря: “да! да! да!” Так бы и я сделал, нарисовал, если бы “пришел на мысль рисунок”» (ВНС, 374). Разгадывая «секреты Востока», Р. «погрузился» «в египетские фолианты», скопировал «богатую коллекцию» родственных и понятных ему египетских рисунков «сот до двух, и все идейного содержания» (СОЧ, 496, 499; ВЕ, 317; ОПП, 82). Египетскую культуру Р. воспринимал именно зрительно, через Е.ж., считая, что невербальное восприятие намного глубже, нежели изучение египетских письменных памятников, в которых «ничего не записано, кроме “обыкновенного”, “общего”» (ВЕ, 171): «Зачем же египтянам было дважды писать то, что они уже великолепно и бесконечно написали в своих “в одну линию” рисунках. Ибо взглянув и особенно своей рукой перечертив рисунок этот, я знаю об этом египтянине и египтянке решительно все, что мог бы узнать из длинного “тома”: но знаю музыкально, как решительно не мог бы узнать из “тома”. Суть и особенность египетских рисунков, что они все музыкальны, и, представляя “штрих”, на самом деле рассказывают содержание. Но — без подробностей, право же случайных в каждой биографии <...> Вы прослушали музыку и все из нее узнали» (ВМНН, 418–419). Е.ж., которая «прямо следует из “поклонения животным”» (ПЛ, 225–226), для Р. — религиозный феномен, устная форма египетской религии. Р. раскрывает метафизичность Е.ж. (ВЕ, 154). Египетские рисунки привлекли Р. не художеством, а тем, что в них разлита «вечная жизнь», которая вливалась в него, «усталого петербургского чиновника» (ВЕ, 319): «До того мне было около них тепло, уютно, благородно, весело» (ВЕ, 317). «Ничего подобного, ничего к этому приближающегося, к этому даже протягивающегося» для Р. нет «во всем всемирном искусстве», так как в Е.ж. он воочию увидел «золотой сон человечества» (ОПП, 82), «вечный протип семьи», ее недостижимый «вечный идеал» (ПЛ, 143–144). Особое внимание Р. обратил на уникальную «среди всех цивилизаций Востока» «иконографию Изиды» как «самый острый, страстный и нежащий “уголок материнства” — кормление грудью младенца» (ВМНН, 410). В «трогательном» рисунке с осликами Р. особенно поразила «тайна и чудо, глубина и прелесть египетской цивилизации», заключающиеся в ее органичности (ВМНН, 419): «Они все заложили морду за шею друг другу, т.е. все



стоят в *ласке*, в одухотворении. Ничего подобного и никогда я не видал во всемирной *живописи*» (ОПП, 82). Р. привлекло в Е.ж. и отсутствие *нигилизма*: «Нет ни одной гримасы, сарказма, насмешки. Ни одной линии, точки — отрицательных <...> такого утверждения жизни не повторялось еще ни у одного народа во всемирной *истории*» (ВЕ, 318). «Многозначительность египетского изображения» проявляется, по Р., в том, что «все основные моменты данной картины уже сложились “везде вокруг”, что египтяне приблизительно так, да и совершенно так, обычно ласкались, нежились, нежили друг друга... везде у них эти же дотрогивания концом пальцев до подбородка... ..протянутые руки... ..протянутые к обниманию. Но — не грубому, не “прижиманию к себе”. Никакого давления. *Свобода*» (ВЕ, 170). По мнению Р., «египтян нисколько не увлекла “красота живописи”, и до некоторой степени менее эстетического внутренне народа, чем египтяне, — никогда не существовало» (ВЕ, 318). Р. считает, что «сочетание “порыва” и “не выставочности”» Е.ж. («вечное закрытие», «вечную спрятанность от глаза» Е.ж. на стенах гробниц и внутри пирамид) придало ей «такую глубину и негу, такое исключительное сосредоточие на “сюжете”, — который из рук “художника” пойдет “прямо в могилу”, — а по этим основаниям и такое могущество воздействия на *душу* зрителя, как это совершенно не доступно ни одному народу и никогда не удалось грекам, “рисовавшим для Афин»» (ВЕ, 318). В розановском восприятии Е.ж. проявляются интенции, при помощи которых Р. осмыслял и созданную им форму «опавших листьев»: «Все искусство египетское — какая-то келья расписанная <...> Только в их живописи (“книга, которая не будет иметь *читателя*”) есть полное совпадение того, что “ведает рука” (кисть) с тем, что “есть в душе”. Оно одно в *мире* искренно, чисто. Где “притворства” нет “ни крупички”» (ВЕ, 318). В плоскостном изображении, обратной перспективе египетских рисунков Р. видел не ошибку, как считали ученые, а «бесовский реализм египтян»: «Египтяне сделали удивительный прием, удивительное усилие, чтобы через плоское изображение дать зрителю “объемное впечатление”» (ВЕ, 317). Античное искусство, по мнению Р., во многом уступает египетскому: «К египтянам вовсе не идут наши категории действительности: эпическая, идиллическая, трагическая (комическая же начиналась), а жизнь была слита в такое единое целое, которое еще не начало распадаться, расчленяться на эти течения и особенности. И вот эта “целая жизнь”, в ее чистосердечии “дневника, который никогда не будет прочитан”, льется из их песчаниковых стен: и обдаёт позднего зрителя умилением, которого он решительно не испытывает от греков, не говоря о римлянах» (ВЕ, 318). Е.ж., по Р., является источником не только греческого искусства («уже вся *Греция*, со множеством мифов» (ОПП, 82), но и западноевропейской живописи Возрождения: рисунок «Нут-богини неба» — «Это... — Корреджио, берущийся за кисть во вдохновении, чтобы рисовать» (ВДЯ, 73); а рисунок из «Книги Мертвых» — «эмбрион всех кистей *Рафаэля*... всех его образов, понятий, чувств, волнений» (ПЛ, 236, 225). Причем Е.ж. ставится выше Рафаэля, у которого «были кисти <...> а Египет вложил сюда сердце и мудрость» (ПЛ, 236; ВЕ, 89, 170).

А.А. Медведев

**ЕДИНСТВО ДУХА И ПЛОТИ.** Р. отвергает *мысль* о разделении небесного и земного, возвышении духа и принижении греховной плоти как манихейскую: «При этом манихейском воззрении сейчас же возникают “два *Бога*” — духа и плоти» (ВМНН, 126). По мнению Р., «*душа* и тело одно» (М, 37). Разрушение единства, лежащего в основе творения, Р. рассматривает в статье «*Тема нашего времени*» (НВ. 1901. 6 марта) как акт богохульства: «Люди, которые разделяют плоть и дух, забывают, что они поворачивают назад дело рук Божиих, вынимая из “перси” дыхание Божие, дыхание любви и тяготения, и Дух Божий оставляет уединенным» (ВДЯ, 168). Оценивая поворот *Пушкина* «от афеистических книжек» к *религии*, Р. писал: «Я называю этот или подобные повороты божественными, в том смысле, что *человек* поражается не глубиной учения, не поразительностью чудес, не новым в *истории*, не пользой для *культуры*, это входит чертами в *христианство*, но самую его сутью, бого-человечностью, человеко-божеством, слиянием в единое и нераздельное, в единое и видимое черт земных и небесных» (РТ. 1899. № 30. С. 21–22). Вопросу о Е. д. и п. Р. посвятил полемическую статью «Нечто о прекрасной *природе*» (Весы. 1905. № 5. С. 18–25). Он опровергает в ней тезисы напечатанной «в одной распространенной *газете*» статьи «О примирении духа и плоти» некоего С.В.В.: «“Слияния плоти и духа — нет. Есть лишь их смена. Они побеждают друг друга, они враждебные”. Вот тезисы г. С.В.В.» (ВДЯ, 331). Р. привел в опровержение своего оппонента такие доводы: «Щупаю от недоумения свои руки, хватаю голову, подхожу к *зеркалу*: — Э, милейший В.В., что — есть в тебе “слияние духа и плоти”? или в тебе такого “слияния” нет? — Нахожу, что — есть! Кроме того, нахожу, что это отлично, и, наконец, нахожу, что иначе и быть не может! “Расторгните” дух и плоть во мне, и я стану трупом: прескверное состояние, для меня — скверное, а для окружающих меня — вонючее. Что же, может быть, я “стремлюсь к такому расторжению” (тезис г. С.В.В.). Вот была надобность: ведь это значит захворать, звать доктора, платить, лечиться. Нет, “расторжение духа и плоти” есть болезнь и есть скверное явление. Его убегает все живое» (там же). Доказательства в статье часто обретают вид афоризмов: «Все живое хочет жить, т.е. вечно удерживает дух и плоть в соединении <...> Плоть без духа — минерал, химическая молекула, труп. Дух без плоти — алгебраическое понятие, математический знак <...> Без плоти *мир* был бы сказкою, мифом о несбыточном. Без духа мир был бы похож на обледенелую, холодную *луну*; даже меньше. Мир не горел бы, а только — был. А он горит, пылает, сверкает красотой. Он везде есть “соединение духа и плоти”. Это есть не только физиологическая истина, не только *метафизика*, но и *догмат веры*: “и вдунул в нее (глину) дыхание *жизней* — душу бессмертную: и стал человек”. Сотворение человека и есть величайшее и таинственнейшее и религиозное “соединение духа и плоти”. И каждый новый человек рождается через новое всякий раз “соединение духа и плоти”: оттого его нельзя сделать и вообще ничто живое не делается, а только рождается от другого живого» (там же). Далее Р. рассматривает тему с точки зрения идеала: «“Соединение духа и плоти” в наше время именуется новым именем: стремлением к идеалу. Ведь есть идеал и есть то, что к